

Захарова

Наталия

10.01.2001

моск. правда - 2001 - 10 янв. - с-4

Ребенка оставь во Франции. Сама вон!

То, что творит французская Фемида, не явится даже в страшном сне. Хотя двум нашим известным актрисам - Елене Сафоновой и Наталье Захаровой пришлось с этим столкнуться наяву.

БОРИС ЛЕОНИДОВ

Елена Сафонова вышла замуж за француза. Через положенный природой срок родился мальчик Саша. Когда ребенку было два с половиной года, родители развелись. С тех пор прошло четыре года. Елена Сафонова вернулась в Россию, мальчик остался во Франции с отцом. Так определили суды всех инстанций, где решалась судьба ребенка.

В случае Елены Сафоновой после непростых судебных баталий все пока проходит по относительно цивилизованному сценарию. Ей во время наездов в Париж позволяют видеться с сыном, проводить вместе с ним какое-то количество времени. Но мальчик не говорит по-русски, через фразу повторяет: «Если разрешишь папа, все зависит от папы, папа говорит...». Нормальное поведение ребенка, большая часть жизни, а если точнее, вся жизнь которого проходит рядом с отцом. Боль матери от того, что она практически разлучена с сыном, скрадывается отчасти тем, что она знает: мальчик живет с родным папой, который его любит, любят ребенка и другие домочадцы по линии отца.

Но совсем дикий характер у другой истории, приключившейся почти одновременно.

Красивая актриса Наталья Захарова знакомится с внешне привлекательным и к тому же весьма состоятельным французским дантистом Патриком Уари. В июне 1995 года у них родилась дочь Маша. Ее первый ребенок. Его - пятый, от первого брака у него их четверо, теперь они взрослые, а в свое время суд оставил их с матерью.

Как ни странно, но именно рождение дочери внесло разлад в семейную жизнь. Став матерью, Наталья сосредоточилась на ребенке. А он начал ее ревновать. В финале - развод. Суд вынес решение о передаче полуторагодовалого ребенка на воспитание матери и о взыскании с господина Уари алиментов. По первому пункту у отца никаких возражений не было, но второй ему явно пришелся не по вкусу: 17 месяцев он делал вид, что никакого малолетнего ребенка у него нет - денег не платил, матери не помогал, в воспитании дочери не участвовал. Когда же решением суда с него была взыскана задолженность по алиментам, отец неожиданно воспылал нежными чувствами к своей полузабытой дочке и стал требовать права на свидания. Мать препятствий не чинила, но однажды, когда девочка вернулась от отца в слезах и... в синяках, пожаловалась куда следует. Тут-то все и завертелось.

В декабре 1998 года решением суда по делам города Нантерр Машу было решено забрать у русской матери и отправить... в социальное заведение для детей, иначе говоря в приют. А чтобы мать не учинила скандала при выполнении этого дикого судебного решения, ее, без предъявления какого-либо обвинения, отправили на ночь в КПЗ, куда, несмотря на случившийся с ней тяжелый сердечный приступ, в течение трех часов не допускали даже врача. Об адвокате и вовсе не вспомнили.

В приюте Машенька оказалась 15 декабря 1998 года. В первый раз Наташе позволили встретиться с дочерью через 4 месяца. В присутствии воспитателей, на сорок минут. Во время свиданий было запрещено говорить по-русски. Одновременно маленькую россиянку-француженку лишили возможности иметь книжки на русском языке, видеокассеты с рус-

скими мультяшками. У крещеного в православии ребенка отобрали нателный крестик. «Это чтобы она им случайно не поранилась», - объяснили изумленной матери заботливые сотрудники приюта. А поскольку им показалось, что Маша «сильно возбуждается при встрече с матерью», они попросили суд приостановить саму возможность этих встреч, что и было незамедлительно сделано.

А потом последовало совсем невероятное. В сентябре 1999 года маленькую Машу «временно» помещают в приемную семью! Наталье Захаровой не сообщили не только имен новых Машиных «родителей», но даже города, в котором они проживают. Примечательно, что судьба Мари Симонен, которая специализируется по проблемам детей и ведет это дело, даже не пожелала встретиться с Натальей, не говоря уж о том, чтобы поинтересоваться мнением самой девочки. Лишь в июле 2000 года мадам Симонен «смиротворилась» и разрешила ежемесячные часовые свидания матери с дочерью. Но пребывание девочки в приемной семье она продлила аж до 11 июля 2001 года.

Здесь вкратце сказать о, мягко выражаясь, «странном» законодательстве Франции. Оно позволяет передавать детей в приюты или приемные семьи, отнимая их у родителей, которые не совершали ни по отношению к обществу, ни по отношению к своему ребенку никакого преступления. Разумеется, что при таком законодательстве работники социальных служб проявляют буйное рвение, ибо они кровно заинтересованы в том, чтобы в их ведении находилось как можно больше детей. Их щедро финансирует государство, они получают алименты от работающих родителей, у них есть стабильная работа. Неплохо вознаграждаются за государственный счет и приемные семьи, в которые направляют детей.

Впрочем, в случае с Натальей Захаровой «национальный момент». Пожелавший остаться неизвестным сотрудник министерства юстиции Франции прокомментировал ситуацию так: «Однозначно можно сказать, что, если бы мадам Захарова не была русской, ее дочь осталась бы с ней». В случает аналогичную точку зрения высказал парижский журнал «Фигаро мэгэзин», весьма критически отзывавшийся о поведении в этом деле французской Фемиды.

Интересы россиянок взялся бесплатно отстаивать один из лучших и самых дорогих адвокатов Франции мэтр Поль Ломбар. Прочитав дело Маши Уари, он схватился за голову, сказав, что происходит откровенное уничтожение личности ребенка. Он, как и представители российской стороны, полагает, что Европейский суд в Страсбурге, если ему придется рассматривать это беспрецедентное дело, наверняка вернет матерям их детей.

234